

В. В. НАПОЛЬСКИХ

**КЕНТАВР ~ ГАНДХАРВА ~ ДРАКОН ~ МЕДВЕДЬ:
К ЭВОЛЮЦИИ ОДНОГО МИФОЛОГИЧЕСКОГО
ОБРАЗА В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ**

(Удмуртский университет, Ижевск)

В данной статье развивается и корректируется этимология, ранее изложенная в [НАПОЛЬСКИХ 1997].

В финно-угорских языках народов, живущих преимущественно в таежной зоне Восточной Европы и Западной Сибири, имеется представительный корпус слов, заимствованных из языков их древних степных соседей-ариев (см.: [ШТАКЕЛЬБЕРГ 1893; MUNKÁCSI 1901; ЯКОВСОНН 1922; ЈОКИ 1973; RÉDEI 1986]). Финно-угорско-арийские контакты восходят как минимум к III тыс. до н. э., когда в еще не распавшийся финно-угорский праязык попали арийские слова, отражающие весьма раннее состояние (до перехода ПИЕ *o и *e > ар. *a), и продолжались вплоть до смены в степной зоне иранских языков тюркскими. Семантически арийские и продолжающие их иранские заимствования охватывают многие слои культурной лексики, в том числе среди них представлены религиозные, мифологические, социальные термины, названия металлов и т. д. Дольше всего и наиболее активно контактировали с иранцами предки пермских народов (удмуртов и коми) в Поволжье и Предуралье и угров, в особенности венгров, в Западной Сибири и в лесостепи Урала и Поволжья. Именно в этих языках имеет смысл искать новые иранизмы. Для иранистики значение этих материалов состоит, в частности, в том, что нередко финно-угорские языки выступают в роли своего рода «холодильника», в котором сохраняются старые формы и значения, давно утраченные в самих иранских языках (ср., например, фонетический облик удм. *suzer* 'младшая сестра' при др.-инд. *svasar* и осет. (ирон.) *xo*). Ниже рассматривается один из весьма интересных в историко-культурном плане поздних пермских иранизмов.

Удм. *gondir* 'медведь' ~ коми-зыр. *gundir*, (Печ.) *gundirli*, (ВВыч.) *gundirli*, (Луз., ВСыс.) *gundiĭ* 'дракон, змей, многоголовое чудовище, гидра, злой дух – сын ведьмы *Йомы*'; (Вым.) *gundir čeri* 'маленькая рыбка с

широкой головой и острым хвостом, суеверные люди боятся ее и считают поганой' (*ćeri* 'рыба') < ППерм. **gundzr* / **gondzr* [КЭСК: 83; ССКЗД: 93; Лыткин 1955: 98]¹.

Помимо вымского композита все значения коми-зыр. *gundir*, обычно приводимые в словарях и этимологических исследованиях (см., напр.: [Fokos-Fuchs 1959 I: 273; Wichmann, Uotila 1942: 63; Rédei 1971: 423]), практически полностью укладываются в круг эпитетов, применяемых для *Змея-Горыныча* в русских сказках ('змей', 'лютый зверь', 'чудюдо', 'чудище' и т. д.). Связь коми *Гундыра* с *Йомой* (коми *joma* – мифологический персонаж, лесная хозяйка, ведьма, примерно соответствует русской *Баба-Яга*) в коми фольклоре также может быть результатом адаптации русской сказки о борьбе богатыря со *Змеем-Горынычем* и его матерью или женой (о вариантах с *Йомой* как **женой** *Гундыра* см.: [Плесовский 1992]). Таким образом, коми-зыр. *gundir* – фольклорный персонаж, соответствующий русскому *Змею-Горынычу*, дракон (об особенностях, которые, возможно, отличают его от *Змея-Горыныча*, см. ниже). Печ. *gundirli*, ВВыч. *gundirli* означают, согласно словарю Д. Фокош-Фукса, не 'дракон', а 'похожий на черта, водяного духа, трех-, шести- или девятиголовый человек': *vasa, ćert mojdin šučenj gundirli* 'водяного, черта в сказках называют *gundirli*' [Fokos-Fuchs 1959 I: 273]. Ср. также ВВыч. *gundirli* 'вид птицы' [Сорвачева 1966: 142]. Таким образом, слова на *-li* означают в коми диалектах 'подобный *дракону-гундыру*', следовательно прав К. Редеи, который выделял в этих словах такой суффикс и рассматривал ВСыс., Луз. *gundil* как результат контаминации форм *gundir* и *gundirli* [Rédei 1971: 423].

Сама же основа слова удм. *gondir* ~ коми-зыр. *gundir* должна рассматриваться как достаточно поздняя двусоставная, прежде всего потому, что сохранение старого (до- или прапермского) стечения согласных типа *-nt-/ *-nd- в пермских языках едва ли возможно: доперм. **nt* систематически переходит в **d* (как в ф. *tuntea* ~ коми *tedni*, удм. *todini* 'знать'; см., однако, ниже об одном исключении из этого правила). По этой же причине нельзя признать правомерным предлагаемое в [КЭСК: 83] сопоставление пермских слов с прибалтийско-финскими словами (ф. *kontio*, вепс. *koñdi* и др. 'медведь', которые, вероятно, происходят от глагольной основы, отраженной в ф. *kontia* 'ползать, тащиться, переваливаться'): в случае общего финно-пермского происхождения этих слов следовало бы ожидать перм. **god-* / **gud-* и прежде всего в виде глагольной основы со значением, близким к значению ф. *kontia*. Поскольку, однако, пермские слова содержат *-nd-* и искомого глагола в пермских языках нет, предположение о финно-пермской древности этого слова отпадает.

Впрочем, авторы [КЭСК] предполагали **заимствование** в коми из прибалтийско-финских языков. Однако здесь речь идет не о коми, а об общепермском слове, и это весьма осложняет перспективы данной этимологии: прибалтийско-финские слова проникали в коми язык весьма поздно (едва ли ранее первых веков II тыс. н. э.), и заимствований, проникших не только во все коми диалекты, но и ставших общеудмуртскими, видимо, почти нет. Мне известны только две такие возможности. Во-первых, это коми *roć* ~ удм. *žuć* ‘русский’ ← приоб.-ф. **rōtsi* ‘Швеция, шведы’ ← др.-швед. **rōps(-mann)* ‘гребец, дружинник-викинг’ (< *rō* ‘гребсти’; из приоб.-ф. **rōtsi* заимствовано и др.-рус. *Роусь* [ЭСРЯ III: 522-523]) – но распространение этого этникона имело свои особые исторические причины, обусловившие его уникальность: через посредство коми *roć* и нен. *līsa* → эвенк. *luća* ‘русский’ это слово проникло чуть ли не во все сибирские языки (вплоть до маньчж. *loća* и т.д.) [ССТМЯ I: 513]. Мотивация заимствования второго слова не столь ясна, но сопоставление, по видимому, все же верное: коми *lija* ~ удм. *luo* ‘песок’ ← приоб.-ф. **līva* ‘песок’ (> ф. *liiva* и т. д.) ← балт.: лтш. *glīve* ‘грязь, глина’, лит. *glyvas* ‘ил’ [SAARIKIVI 2006: 36]. Постулировать возможность заимствования еще одного общепермского слова на таком слабом фоне весьма затруднительно – во всяком случае, коль скоро есть хорошие альтернативные этимологии (см. ниже). Кроме того – и это главное – в таком случае остается необъясненной странная суффиксация на **-zr* в пермских языках, озвончение начального согласного, переход приоб.-ф. *o* > коми *u*. Естественно, совершенно необъяснимым в этом случае будет и развитие значения в коми языке: если именование медведя различными эвфемизмами типа ‘страшилище’, ‘чудовище’ и т. п. вполне естественно и имеет массу параллелей в языках, например, Сибири, то обратное развитие – наименование мифического дракона словом, первоначально обозначавшим обычное животное (и при этом нигде в коми-зырянских диалектах не сохранилось никаких следов этого первоначального значения!), выглядит довольно экзотично.

На первый взгляд, ППерм. **gundzr* / **gon-dzr* делится как **gōn-dzr*, и первую часть этого слова можно связывать, как это делал К. Редеи, с ППерм. **gōn* ‘шерсть, волосы на теле’ (← иран. **gūn* ‘тж’) [Rédei 1971: 422; Rédei 1986: 67-68]. Замечательно, что данное слово именно так делится самими носителями языка – ср., напр., удмуртскую песню с игрой слов:

*aj dīrgon, da baj dīrgon,
pīpu jīlīn gondīr vañ*

‘Ай *дыргон*, да бай *дыргон*,
на верхушке осины – медведь (*гондыр*)’

Здесь, однако, трудно согласиться с К. Редеи, реконструирующим праформу **gon-tīr*, где **tīr* = удм. *tīr* ‘весь, полностью’, отсюда **gon-tīr* букв. ‘весь покрытый шерстью’, точнее – ‘сплошь шерсть’ [Rédei 1971:422]. Такая гипотеза предполагает, во-первых, сохранение **прапермского** слова (К. Редеи предлагал свою этимологию только для удм. *gondīr*, не принимая во внимание существование коми параллели) без перехода **-nt-* > **-d-*, что, кажется, не имеет аналогов, во-вторых – странное озвончение **t* > **d* с деэтимологизацией вполне прозрачного по значению **gon-tīr* (но и с сохранением при том осмысления первого компонента как удм. *gon* ‘шерсть’!), и, в третьих, наконец, появление огласовки на *-u-* и странного развития семантики в коми. Ссылка на «табуацию слов» (как в [Rédei 1971: 423]) в данном случае ничего не проясняет: едва ли в самом деле *o* в коми языке является более «табуированным» звуком, чем *u*!

Учет значения коми слов не позволяет однозначно реконструировать значение ППерм. **gundzr* / **gondzr* как ‘медведь’ с переходом семантики > ‘дракон, etc.’: следует, по крайней мере, допускать возможность и обратного развития ‘дракон, чудище’ > ‘медведь’, кажущуюся более естественной с точки зрения гипотезы «словесной табуации», значение которой справедливо подчеркивает К. Редеи, говоря о невозможности реконструировать древние (хотя бы общефинно-пермские) названия для волка и медведя [Rédei 1971:421-423]². Однако, говоря о табуации, нельзя упускать из виду то обстоятельство, что помимо описательных терминов (типа венг. *farkas* ‘волк’, букв. ‘хвостатый’) в таких случаях могут использоваться и заимствования (типа венг. *medve* ‘медведь’ ← слав.)³. Предполагаемая связь первого компонента пермского названия ‘медведя / дракона’ с иран. **gūn* ‘шерсть’ наводит на мысль о возможности иранского происхождения всего слова.

Ср. осет. (ир.) *kæf-q^wyndar* ‘дракон, чудовище (фольк.)’ = (по версии В. И. Абаева) *kæf-q^wyn-dar* букв. ‘рыба шерстью покрытая’, где *kæf* = осет. *kæf* ‘рыба’, *q^wyn* = осет. (ир.) *q^wyn*, (диг.) *ḡun* ‘волос, шерсть’ < иран. **gūn* [ИЭСОЯ I: 576; II: 326-327], а *dar* связано с осет. (ир.) *daryn*, (диг.) *darun* ‘держат, поддерживать, содержать (скот), носить одежду’ (< иран. **dār-* ‘иметь, держать’) [ИЭСОЯ I: 345-347]. Если считать пермское слово иранизмом, следует предполагать существование в древности иранской усеченной формы типа **gūn-dār* ‘дракон’, букв. ‘покрытый (одетый) шерстью’, которая в принципе вполне допустима. В связи с этим сразу следует оговориться, что коми (Вым.) *gundir čeri* (см. выше) едва ли прямо связано с осет. *kæf-q^wyndar* — в коми мы имеем очевидный поздний композит со значением ‘страшная рыба’.

Среднеиранское⁴ **gūndār* могло быть заимствовано в пермский язык в поздне-прапермскую эпоху, когда уже существовали звонкие анлаутные смычные, в силу чего, во-первых, в пермских языках сохранилось **g-*. Во-вторых, сочетание **-nd-* не попадало под деназализацию: имеется по крайней мере еще один пример, иллюстрирующий данное развитие (ср.-иран. **-nd-* > перм. *-nd-*): удм. *andan* ~ коми *jemdon* ‘сталь’ (в коми языке это слово видоизменилось вследствие народной этимологизации – переразложения на коми *jem* ‘игла’ и *don* ‘цена’ или, скорее, *jen* ‘бог’ и *don* ‘раскаленный, блестящий, сверкающий’) ← ср.-иран.: осет. *ændon* ‘сталь’ [Rédei 1986: 65]. Не вызывает сложностей и вокализм: переход **ā* второго слога в перм. **з* объясним как общей редукцией непервых слогов в прапермском, так и возможным безударным положением этого гласного в языке-источнике; появление нетривиального *o* на месте старого **u* в первом слоге в удмуртском может быть объяснено, во-первых, как результат ‘пермского умлаута’ – чередования **ō / *ū* (? **o / *u*) в явно однокоренных словах (см.: [НАПОЛЬСКИХ 1995: 171]), и, во-вторых, опять-таки народной этимологизацией, осмыслением первой части слова **gūndār* как соответствующей удм. *gon* ‘пух, шерсть, волосы’ (< перм. **gōn* ← иран. **gūn*).

Развитие семантики в удмуртском по линии ‘дракон’ > ‘чудище’ > ‘медведь’ вполне естественно в свете обсужденной выше гипотезы о словесном табу. Впрочем, есть основания полагать, что такой переход значения начался еще в позднепрапермское время и охватил даже часть докоми диалектов – ср. коми-перм. (Нердв.) *gundīrčāca / gundurčāca* ‘подснежник’ (*čāca* ‘цветок’) [КПСЛ: 110]. Значение ‘дракон’ для первой части композита здесь было бы трудно объяснить, а семантика ‘медвежий цветок’ = ‘подснежник’ вполне понятна: подснежник расцветает, когда медведь покидает берлогу. В коми, удмуртском, русском и др. языках имеется множество названий растений с прилагательным ‘медвежий’ (см., напр., [СРНГ XVIII: 67-68]), однако прямую семантическую параллель мне удалось найти лишь в эрзянском языке: *ovtoń bajaga* ‘подснежник’, букв. ‘медвежий колокольчик’ [ЭРВ: 430].

Памятники мелкой пластики так называемого «пермского звериного стиля» раннего средневековья Прикамья и Предуралья дают в изобилии изображения драконоподобных существ (именуемых обычно в литературе «ящерами») [ПЛЕСОВСКИЙ 1992], что указывает на наличие такого персонажа в мифологии носителей пермского праязыка на его поздней стадии. Проблема генезиса пермского звериного стиля далека от решения, но едва ли стоит сомневаться в том, что одним из его истоков был звериный стиль в искусстве ираноязычных степных племен Евразии, из языка ко-

торых и попало в пермское рассматриваемое здесь слово с исконным значением ‘дракон’. Древность образа дракона в пермской традиции, таким образом, не подлежит сомнению, но при этом нет никакой необходимости в умозрительных построениях о самостоятельном сложении этого образа в фольклоре коми на базе “тотема-медведя” (на самом деле у нас нет серьезных оснований говорить о существовании у пермян развитых тотемистических представлений вообще и представлений о тотеме-медведе в частности), “принявшего обобщенно-синтезированный образ медведя-ящера-птице-рыбы” [Плесовский 1992: 14]. Хорошо известно, что образ дракона, присутствующий в фольклоре многих народов Евразии, в большинстве случаев является результатом заимствования, равно как и названия этого персонажа. Рассматриваемый здесь образ и имя дракона в коми традиции также, видимо, появились в результате заимствования среднеиранского (древнеосетинского – ?) термина и, вероятно, образа, адаптации его в пермской религиозно-мифологической системе (частный результат этой адаптации – появление значения ‘медведь’ у деривата рассматриваемого корня в удмуртском языке) и позднейшего русского влияния на сказочный фольклор коми.

Однако наблюдения Ф. В. Плесовского над взаимодействием образов дракона и медведя в пластике пермского звериного стиля – если отбросить ненужные тотемистические рассуждения и наивную автохтонистскую интенцию – весьма интересны, учитывая возможность начала развития значения рассматриваемого слова ‘дракон’ > ‘медведь’ уже в позднепрапермском. На рис. 1 приведены несколько изображений, которые позволяют проиллюстрировать это развитие и сделать ряд других наблюдений.

К сожалению, большинство находок были сделаны случайно, и более или менее точная датировка их невозможна. Максимальный временной разброс этих памятников – от середины I до начала II тыс. н. э. По всей вероятности, они были созданы предками пермян (коми и удмуртов), говоривших на позднепрапермских диалектах, хотя в ряде случаев речь скорее должна идти не о прямых языковых предках этих народов, а о **парапермских** группах (говоривших на диалектах пермского праязыка и вошедших в состав исторических пермян, но не оставивших живых языков, особенности которых прямо восходили бы к этим диалектам). Я намеренно разместил изображения на рисунке в определенном порядке: он может отражать и их относительную хронологию (которая на самом деле не ясна), но главное в нем – предполагаемое становление и развитие на базе неясных древних космогонических представлений темы годового природного (и хозяйственного – охотничьего) цикла, состоящего из пери-

одов, определяемых животными, – и развитие образов дракона и медведя. Если в предположительно более ранних композициях (№ 1, 2, 3, 4) можно видеть изображение картины мира, в центре которой стоит антропоморфное существо с зооморфными чертами («человеколось»), основу составляет водный «ящер», а сверху замыкает структуру «змея», то медвежьё изображения с самого начала (№ 5, 6) могут содержать идею какого-то цикла, может быть годового. При этом медведь является основной фигурой – возможно, в силу особого образа жизни медведя (деление медвежьего года на активный период и зимнюю спячку) и, соответственно, в силу ассоциации с ним весеннего пробуждения природы и периодов начала летней половины года и ее конца (ср., возможно, две фигуры медведя на № 7 и позицию медведя на № 8, см. также [КОНАКОВ 1987]⁵). Можно предположить, что с переходом от «космогонического» изображения к «календарному» (в хронологическом плане «календари» № 7, 8, 9 почти наверняка являются более поздними памятниками) образы «ящера», «змея» и «человеколосья» вытесняются медведем. Скорее всего в этом реконструируемом развитии имело место соединение, контаминация и взаимозамещение «медвежьей» (изначально таежной – ?) и «драконьей» (заимствованной с юга) традиций.

Имея в виду иконографию пермского «ящера», стоит вернуться к этимологии осет. *kæfq^wyndar*. Водный характер пермского «ящера» и связь его с рыбами очевидны хотя бы по изображению № 1 на рисунке. Это отлично согласуется с элементом *kæf* ‘рыба’ в осетинском названии ‘дракона’. Однако предложенное В. И. Абаевым простое объяснение *q^wyndar* как ‘покрытый шерстью’, по-видимому, представляет собой все-таки дань народной этимологии (которая могла оказать влияние на фонетический облик осетинского слова). Дело в том, что осет. *q^wyndar* трудно отделять от широко известного названия класса демонических существ в арийских языках: др.-инд. *gandharva-* (? *gandharba-*) ‘гандхарва (мифологическое существо)’ ~ ав. *gandarəwa-*, *gandrəwa-* (= ⁺*gandərəβa-*), пехл. *gndlp'* (= ⁺*gandareb*) ‘гандарэб (демон)’ ~ (?) согд. *yntw-* (?) ‘водный демон’ ~ шугн. *žindürv / žindüry* (м. р.), *žindīrv / žindārv / žindāry* (ж. р.) ‘оборотень, фантастическое чудовище, дракон; обжора’ (~ рушан. *žändūr* (м. р.), хуф. *žindirγ* (ж. р.)) [BARTHOLOMAE 1904: 493; KEWAI I: 321-322; MORGENTIERNE 1974: 110; ДМХ XXVII, 49; ШРС: 526-527]. Сопоставление этих слов с осет. (*kæf*)*q^wyndar* и ППерм. **gundzr / *gondzr* было предложено И. М. Стеблиным-Каменским⁶ (личное сообщение; см. также [STEBLIN-KAMENSKY 2000: 162]) и недавно поддержано и развито В. Блажеком [BLAŽEK 2005: 175-177] (там же см. и материал о *гандхарвах* в дополнение к приводимому ниже), и сегодня я склонен считать его более

предпочтительным, нежели версию В. И. Абаева – еще и потому, что осетинский *kæfq^wyndar* по тем его особенностям, которые мне известны, вполне сопоставим с арийскими *гандхарвами*.

Осетинский *kæfq^wyndar* представляет собой сказочное драконоподобное существо, связанное с водой (закрывающее людям доступ к воде) и охотящееся на (получающее в жертву – ?) девушек [ИЭСОЯ I: 576]. Развитие вокализма первого слога в осет. *q^wyndar* < **gandar*(β)-, вероятно, следует объяснять народной этимологией в русле толкования, предложенного В. И. Абаевым (ассоциация со словом ‘шерсть’).

Весьма лапидарные сведения о *гандарэбе* в зороастрийской традиции описывают его как водного демона “с золотыми пятками”, сына *Ахуры* (– ?), хозяина водных глубин с огромной пастью, готового уничтожить мир, с которым в море *Вору-Каша* борется и побеждает его *Сама-Кэрсасна* (для понимания образа *гандарэба* может иметь значение упоминание в книге «Ривайят» о том, что *Сама-Кэрсасна* содрал с него **шкуру**) [Ав.: Ардвисур-Яшт, 38; Рам-Яшт, 28; Замйад-Яшт, 41; Авеста: 433; Зороастрийские тексты: 102, 125].

Образ *гандхарва* (точнее, *гандхарвов*, поскольку слово нередко употребляется во множественном числе и из контекста ясно, что речь идет о целом классе мифологических существ) в древнеиндийской традиции (прежде всего в Ригведе и Атхарваведе) описан лучше, но также остается весьма неясным и даже противоречивым. С одной стороны, *гандхарвы* обитают в небесной выси, в бесконечных пространствах, связаны с небесным светом, тучами, солнцем, звездами, возможно, с радугой. Вторая их функция – связь с *Сомой*: *гандхарва* охраняет место, где живет (растет) *Сома*, стоя на небосводе наблюдает все формы *Сомы*, лелеет его вместе с *Парджаньей* и дочерью солнца; есть версия о том, что гандхарвы хранили *Сому* для богов, но не смогли сохранить, и противоположная о том, что *Сома* был похищен *гандхарвом Вишваवासу* (‘владеющий всем добром’ – этот эпитет мог изначально применяться к *гандхарвам* вообще), но затем был выкуплен у *гандхарвов*, в силу их похотливости, за богиню речи *Вач*, или же *Сома* в виде орла улетел от них, причем один из *гандхарвов*, *Кршану*, стрелял в него. С другой стороны, *гандхарвы* связаны с водной стихией, от “водного *гандхарва*” и *апсары* родились *Яма* и *Ями*. Любовные отношения с *апсарами* и похотливость вообще – еще одна черта *гандхарвов*; союз *гандхарвов* с *апсарами* служил символом брачного союза; незамужние девушки считались принадлежащими *гандхарвам*. Что касается их внешнего облика, в Ригведе упоминаются развевающиеся волосы, блестящее оружие, красота и благоухающие одеяния *гандхарвов*, а в Атхарваведе они описываются как косматые

полуживотные, опасные для людей, с неприятным запахом земли, исходящим от них [MACDONELL 1971: 136-137] (последняя характеристика, впрочем, скорее является плодом народной этимологии – ср. др.-инд. *gandha-* ‘(неприятный) запах’ [KEWAI I: 322]).

Смешанный антропо-зооморфный облик, связь с природными стихиями, прежде всего воздушным пространством, лохматость и похотливость *гандхарвов* заставляет вспомнить старое сопоставление этого слова с др.-греч. *кентаврами*, *Κένταυροι* (< **kentarjo-*) [KEWAI I: 321] – дикими полулюдьми-полуконями, рожденными, по одной из версий, облачной нимфой *Нефелой*, известными своей страстью к женщинам. Эта этимология обычно отвергается лингвистами на основании нетривиальных соответствий в консонантизме. Думается, однако, что этому могут быть даны объяснения, не исключающие общности происхождения арийских *гандхарвов* и греческих *кентавров*. Во-первых, и в арийских языках в этом имени присутствует нетривиальное фонетическое соответствие (или, скорее, колебание) др.-инд. *-v-* (/ *-b-* ?) ~ иран. *-b-* (/ *-w-* ?) (кстати, пехл. написание *gndlp'*, вероятно, скорее указывает на форму ⁺*gandar(e)b*, чем на ⁺*gandarw*, как в [Зороастрийские тексты: 102, 125]), и это обстоятельство служит основой для предположения о том, что данный термин принадлежит к числу заимствований, проникших в арийские языки из неизвестного субстрата [LUBOTSKY 2001: 304]. Если принять эту гипотезу, то можно предположить аналогичное происхождение и др.-греч. *Κένταυροι*, и странности соответствий в консонантизме могут быть тогда объяснимы различной адаптацией слова неизвестного языка-источника⁷. Кроме того, следует иметь в виду, что и *gandharva-*, и *Κένταυροι*, без сомнения, подверглись искажениям вследствие народной этимологии. Полагаю, что данная арийско-греческая параллель, безусловно, не является случайной, но должна рассматриваться не как праиндоевропейское наследие, а как результат ареально-генетических арийско-греческих контактов, возможно – результат взаимодействия этих языков с каким-то третьим, неизвестным языком.

Естественно, охарактеризовать общий мифологический прототип греческих *кентавров* и арийских *гандхарвов* еще труднее, чем определить основные черты и функции последних (хотя, как указано выше, некоторые сближающие их особенности все же имеют место быть). Тем большее значение поэтому приобретает привлечение пермского материала.

Коми *gundir* обнаруживает ряд черт, позволяющих сближать его с осетинским драконом и *гандхарвом*: в более старых памятниках он чаще предстает в антропоморфном облике в виде многоголового великана, в силу чего его змеиная природа – не единственно возможная; обитать *gundir* может как на земле, так и на небе, но чаще всего является из воды

или прилетает в виде черной тучи; он предстает хозяином озера или моря и волшебных предметов, склонен к похищению женщин; дыхание его – нечистое [Мифология коми: 136]. Естественно, многие из этих черт свойственны и другим евразийским драконам, и *Змею-Горынычу* русских сказок, с образом которого контаминировал коми *gundir*. Поэтому особый интерес представляет поиск возможных реликтов свойств *гандхарвов* в удмуртских представлениях о медведе – и некоторые интересные наблюдения можно сделать. Сказки о похищении медведем девушек известны у удмуртов, как и у всех народов Евразии, и вряд ли могут рассматриваться как реликт историй о похотливости *гандхарвов*. О грибном (идущем при солнечной погоде) дожде удмурты говорят *gondir kišno bašte / gondir kišnojaške* ‘медведь женится’ / *gondir viļ kenak pirte* ‘медведь вводит (в дом) сноху / невестку’, однако подобные выражения существуют и у других народов, например, у южных славян (см. [KUUSI 1957]). Более вероятный реликт представлений о *гандхарве* как о хозяине вод можно увидеть в традиции, известной у башкирских удмуртов: набирая воду из колодца (аналогично поступают и когда впервые пьют из родника [ПМА]), отливают часть воды из ведра, говоря *gondirze kištiško* букв. ‘медведя отливаю’ [Миннихметова 2003: 173] (именно так переводит эту фразу Т. М. Миннихметова; думаю, однако, что скорее здесь вполне можно видеть эллипсис и переводить ‘медвежью (долю) выливаю’).

В виде медведя в удмуртской традиции (у северных удмуртов) мог предстать дух-хозяин хлеба и скота *gid kužo* букв. ‘хозяин хлеба’, а также именуемый просто *gondir* ‘медведь’ дух, обитающий в подполье, в погребе, в амбарах. Он считался ближайшим родичем домового и заведовал хлебными и другими припасами, наказывая их исчезновением тех, кто его как-либо обидел [Первухин 1888: 89, 91-95]. Вероятно, медведеподобный образ каких-либо домашних духов не является специфической особенностью удмуртской традиции, и здесь, кажется, нет прямой параллели с *гандхарвами*, но любопытно в свете нашего исследования сообщение об обычае южных удмуртов приносить ради приплода скота в наступающем году весной жертву на скотном дворе (адресат не назван, но, судя по месту и назначению обряда, это был скорее всего *gid kužo*): помимо хлеба и прочих обычных даров, главной составляющей этой жертвы была уха и вареное мясо двух щук [WASILJEV 1902: 67-68]. Рыбы крайне редко выступали в удмуртской религии как жертвенные животные, и это заставляет подозревать особую связь духа-покровителя скота, именуемого у северных удмуртов также интересующим нас словом *gondir*, с водной стихией.

Возвращаясь к изображениям пермского звериного стиля (см. рис.), следует обратить особое внимание на «взаимоперетекание» персонажей

на изображениях № 1-4: граница между человеком, лосем, «ящером» и другими фигурами на них весьма условна. Не может ли это обстоятельство отражать сложный и разнообразный по функциям и атрибутам образ антропо-зооморфного существа, связанного с воздушной и водной стихией, подобного арийскому *гандхарве*? Естественно, все наши предположения такого рода обречены оставаться гадательными, и я – в особенности в части анализа пластики пермского звериного стиля – ни в коем случае не претендую на исчерпывающее исследование, ограничиваясь лишь эскизными наметками. Однако рассмотрение всех приводимых здесь данных в комплексе, по-видимому, необходимо.

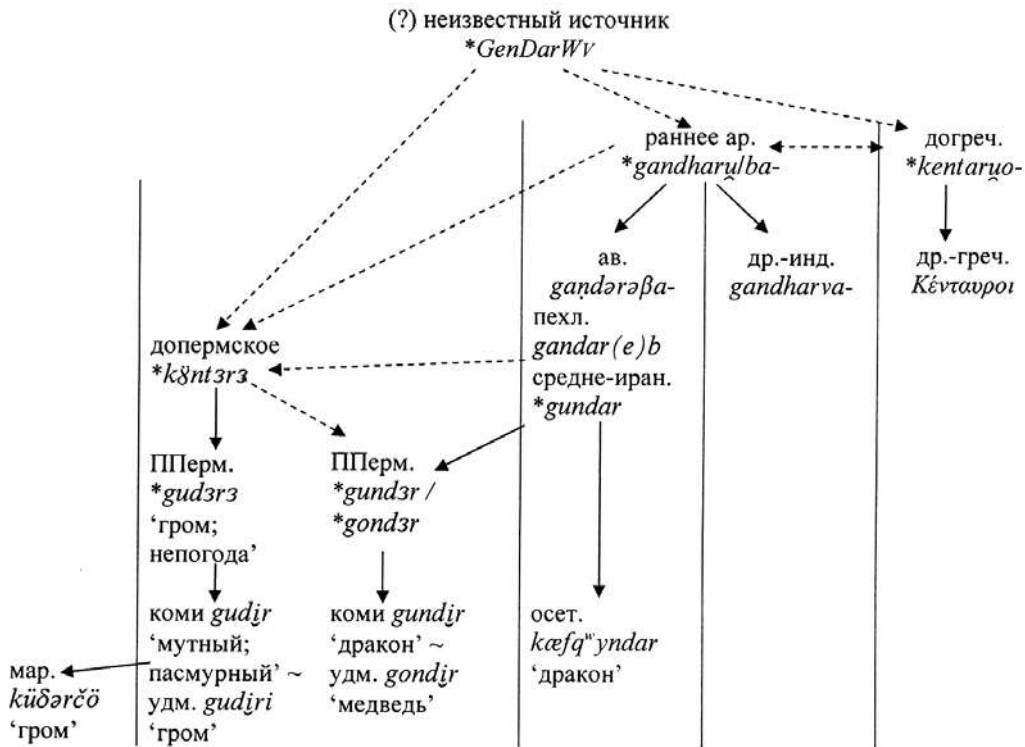
Важной проблемой является вопрос о хронологии. Поскольку, как уже было отмечено выше, ППерм. **gundzr* / **gondzr* не прошло пермскую деназализацию, оно может быть только очень поздним заимствованием: под деназализацию попали протославянские / балто-славянские заимствования в прапермский (см., например, ППерм. **rib-* ‘вырубать, делать паз, зарубку’ (> удм. *žibi* ‘паз’ ~ коми *riḃni* ‘делать зарубы, засечки’ ← балто-славянское: слав. **roboti* ‘рубить’ ~ лит. *rumbúoti* ‘подрубать’), которые датируются примерно V–VII вв. н. э., но в эпоху контактов пермян с первыми в Среднем Поволжье тюрками – булгарами (с конца VIII или с начала IX в.) – деназализация уже не действовала (подробнее см. [Напольских 2006]). Поскольку изображения пермского звериного стиля датируются VI веком и позже, можно допускать, что в эту эпоху пермская деназализация уже угасала (в протославянских заимствованиях она могла еще действовать, например, потому, что в языке-источнике было не сочетание «носовой согласный + смычный», а «назализованный гласный + смычный»), и в слове с угадываемой народной этимологией первой частью (см. выше) сочетание **-nd-* могло сохраниться. Следовательно, рассматриваемые здесь изображения середины I тыс. н. э. хронологически могут иллюстрировать образ существа, обозначавшегося ППерм. **gundzr* / **gondzr*, заимствованным в конечном счете от арийского названия *гандхарва*.

Не исключено, однако, что такое заимствование было неоднократным, и интересующий нас образ был известен еще носителям раннего пермского праязыка: в качестве такой более ранней пермской параллели к рассматриваемому здесь арийско-греческому названию мифологического персонажа представляет интерес удм. *gudiri* ‘гром’ ~ коми *gudir* ‘муть, осадок; мутный; (Иж., Уд.) пасмурный, сумрачный (о погоде)’ ~ мар. *küðərčö* ‘гром’ [КЭСК: 82]. Самая ранняя – до начала общепермской деназализации (см. выше) – праформа пермского корня может быть восстановлена в виде **k̄intzrз* (в этом случае марийское слово следует скорее всего рассматривать как пермское (древнеудмуртское) заимствование по-

сле деназализации). Сходство допермской формы **k̥i̯ntʒrʒ* (глухие **k-* и **-t-* здесь – известная условность, дань финно-угроведческой традиции: если слово было откуда-то заимствовано, в языке-источнике на их месте мог быть любой гоморганный смычный) с возможной праформой названия *гандхарвов / кентавров* бросается в глаза. В этом случае перед нами – заимствование более раннее, нежели название ‘дракона / медведя’, и его следует датировать никак не позднее середины I тыс. н. э. В принципе – хотя это требует нетривиального допущения – можно предположить, что заимствование было одно, но праформа **k̥i̯ntʒrʒ* в условиях, когда действие пермской деназализации заканчивалось, дала два варианта: **gudʒrʒ* с деназализацией и переходом значения в ‘гром, непогода’ и **gundʒr / *gondʒr* без деназализации (возможно, в связи с народной этимологией ‘мохнатый’) и с сохранением значения ‘мифологическое существо, дракон (> медведь)’. В качестве альтернативной этимологии для названия грома в удмуртском и марийском может быть предложена версия об ономапоэтическом характере пермского слова (подражание грохоту грома; при этом, однако, развитие значения в коми требует объяснения) – эту альтернативу, конечно, следует иметь в виду, но все-таки, на мой взгляд, предлагаемый здесь вариант также заслуживает обсуждения.

Развитие семантики ‘мифологическое существо типа *гандхарва*’ > ‘непогода, гром’ в прапермском представляется вполне вероятным и вновь позволяет дополнить наши представления о функциях *гандхарвов* в арийской традиции. О связи *гандхарвов* с небом и тучами см. выше; что же касается грома и молнии, то, например, *ансары*, сопутствующие *гандхарвам*, характеризуются таким образом: *abhriye didyutrāye yā viśvāvasum gandharva sacadhve* ‘в тучах, звездах и молниях [ты], следующая *гандхарве Вишвавасу!*’ [АтхВ II, 1, II: 4].

Рассмотренный материал представлен в нижеследующей схеме. Конечный источник интересующего нас слова я восстанавливаю здесь в самом общем виде как **GenDarWV*, имея в виду неясность качества согласных и конечного гласного. Возможно, впрочем, что неизвестного языка-источника не было, и слово это было заимствовано из раннего арийского в догреческий или наоборот. Допермская праформа **k̥i̯ntʒrʒ* могла иметь своим источником как тот же неизвестный язык, так и какой-то арийский язык – от раннего индоиранского до среднеиранского (хотя предпочтительна форма типа **gundar / *gwyndar* – то есть максимально близкая к древнесетинской и, следовательно, относительно поздняя). Таким образом, линии развития, для которых возможны альтернативы, обозначены на схеме пунктиром.

Схема

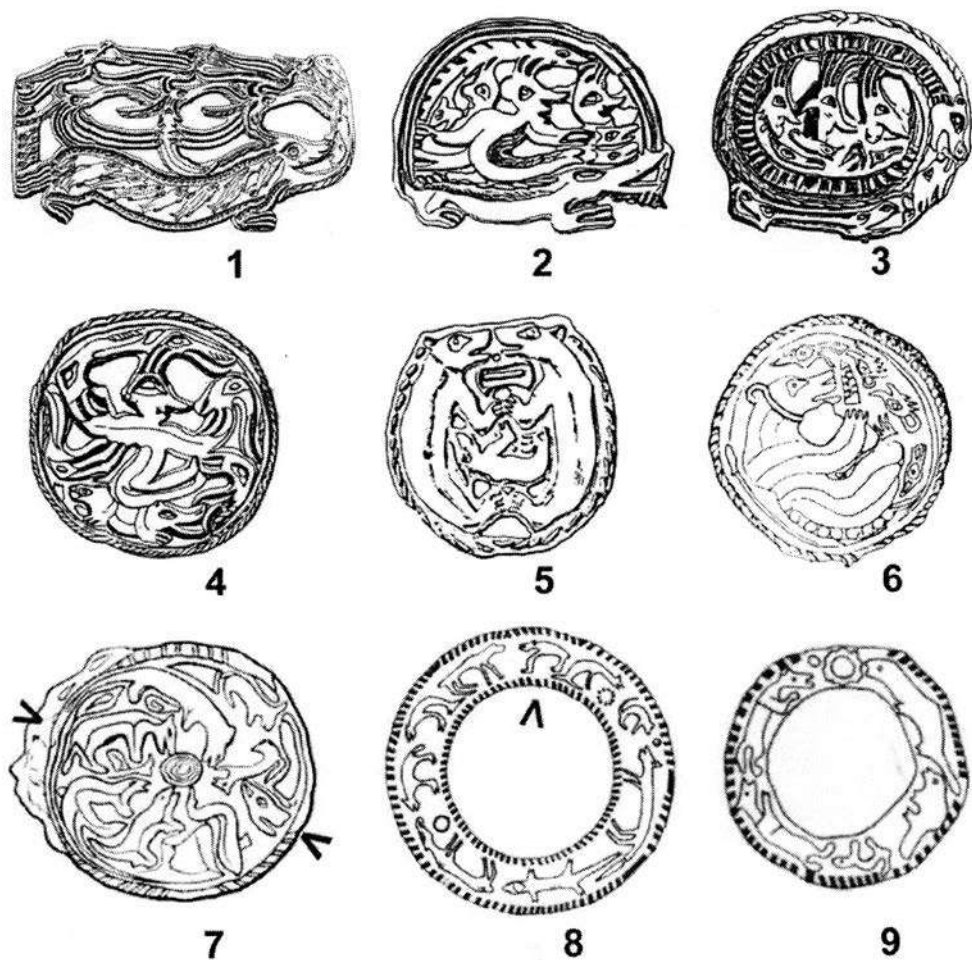

Рис. 1. Изображения дракона и медведя в пластике пермского звериного стиля Прикамья и Предуралья второй половины I тыс. н. э.

1. Бронзовая бляшка VI–VIII вв., найденная у с. Ныргында на Каме (совр. Каракулинский р-н Удмуртской Республики) [Спицын 1906, рис. 108]. В основе композиции – фигура водного зверя («ящера»), покрытого изображениями рыб.

2. Бронзовая бляшка VI–VIII вв., найденная в бассейне р. Ухта (приток р. Ижма, совр. Коми Республика) [Спицын 1906, рис. 106]. Помимо лежащего внизу «ящера» здесь появляется фигура «змея», покрытого поперечными насечками, «обтекающая» композицию сверху – см. № 3.

3. Бронзовая бляшка VII–VIII вв., найденная в бассейне р. Ухта [Спицын 1906, рис. 104]. «Змей с насечками» обнимает всю композицию, встречаясь мордой с лежащим в ее основе «ящером».

4. Бронзовая бляшка VII–VIII вв., найденная у д. Пешково на Каме (возле г. Березники, Усольский р-н Пермского края) [Спицын 1906, рис. 105]. «Змей» и «зверь» не выделяются (однако насечки по краю, возможно, представляют собой остаток «змея»), центральная фигура, имевшаяся на №1, 2 (зоо-антропоморфное божество – ?), окружена головами плохо идентифицируемых животных (ср. № 6).

5. Бронзовая бляшка, найденная у д. Пешково на Каме (возле г. Березники Пермского края) [Спицын 1906, рис. 324]. Те же насечки по краю, что и в № 4 (они сохраняются и в последующих композициях), в основе композиции – две противостоящие друг другу фигуры медведей.

6. Бронзовая бляшка, найденная у д. Пешково [Спицын 1906, рис. 325]. Медведь уже один, и ему противопоставит набор голов плохо идентифицируемых животных (ср. № 4) – возможно, переход к «календарному» циклу (№ 7, 8, 9), в котором медведь играет пока основную роль.

7. Бронзовая бляшка, найденная у с. Кишерть (Кунгурский р-н Пермского края) [Спицын 1906, рис. 316]. Очевидно, что изображение совершенно аналогично № 8 и 9, интерпретируемым современными семиотиками как «древние календари»: изображения животных, расположенные по кругу, могут обозначать сезоны года. Знаками V отмечены изображения, в которых можно видеть медведя.

8. Бронзовый «древнекоми промысловый календарь» в прорисовке Н. Д. Конакова. Найден у с. Сторожевск на р. Вычегде (Коми Республика). Знаком V отмечено изображение медведя по Н. Д. Конакову (второе от предполагаемого солярного знака, обозначающего весеннее равноденствие) [КОНАКОВ 1987].

Одно из двух идентичных бронзовых изображений, найденных “в Верхнем Прикамье” (видимо, на территории быв. Коми-Пермяцкого округа) – «древний коми-пермяцкий календарь» в прорисовке Н. Д. Конакова, по его мнению – более поздний, чем № 8 [Мифология коми: 97-98]. Медведь здесь уже отсутствует.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Для нефинно-угроведческого журнала имеет, вероятно, смысл пояснить некоторые общепринятые в пермистике транскрипционные знаки: \acute{c} = палатальная глухая аффриката (близкая к рус. *ч* или *чь*), \check{c} = ее веларное соответствие (= *ти*, «твердый ч»), их звонкие пары обозначаются соответственно как \check{z} (звук средний между *дьжь* и *дьзь*, «звонкий ч») и \check{z} (= *дж*); \check{i} = гласный средне-заднего ряда средне-нижнего подъема, заднеязычное соответствие *i* (рус. *ы*, *у* в осетинской и тюркологической латинской транскрипции), \check{e} = неогубленный гласный средне-заднего ряда средне-верхнего подъема, \acute{o} и \acute{i} = сдвинутые вперед (среднерядные) *o* и *u*, \check{z} = неопределенный гласный второго слога в реконструируемых словах, \check{y} = заднеязычный гласный (более точное качество определить невозможно), \check{y} = переднеязычный гласный.

² И на самом деле, в силу, по-видимому, повсеместного и древнего табуирования названий волка и медведя нет возможности надежно реконструировать соответствующие слова для уральского и финно-угорского праязыка. Например, интересная попытка Х. Катца предложить прафинно-угорскую этимологию для ‘волка’ **čičz* / **čičz* на основании сопоставления ф. *susi* (Gen. *suden*) ‘волк’ и манс. (Т.) *čes*, (СКон.) *šes* ‘волк’ [KATZ 1988: 90] едва ли приемлема: мансийское слово трудно отделить от удм. *šes* ‘хищный’, а фонетический облик последнего не позволяет реконструировать финно-угорскую праформу с аффрикатами.

³ Я в свое время, конечно, был неправ, когда писал, что в качестве названий «табуированных» животных используются описательные термины, а не заимствования [NAPOLSKIKH 1993: 48].

⁴ В определении источника позднейших иранизмов в пермских и др. финно-угорских языках я не использую терминов *древнеосетинский* или *аланский*, во-первых, в силу имеющейся в финно-угроведении традиции и, во вторых, по причине невозможности с уверенностью говорить о том, что источником этих слов был именно древнеосетинский язык (или язык аланов). При этом более близких аналогов, чем осетинские, для большей части праформ поздних иранизмов в финно-угорских языках, как правило, не находится (ср., однако, например, коми *ńebeg* ‘книга’, имеющие ближайшую параллель не в осетинском, а в пехлеви [RÉDEI 1986: 74]).

⁵ Связь медведя с весной отражена не только в коми традиции [КОНАКОВ 1987] (см. выше также коми-пермяцкое название ‘подснежника’), но и в удмуртской. В частности, общепермское название ‘медведя’ сохранилось в удмуртском, пожалуй, только в народном названии апреля: *oštolež* (*tolež* ‘месяц’), которое сегодня понимается как ‘месяц быка’ (удм. *oš* ~ коми *ęš* ‘бык’ < ППерм. **ōš(k-* ← ар.), что не имеет смысла. Здесь, очевидно, следует видеть деэтимологизированный рефлекс ППерм. **oš* (> коми *oš*, в удмуртском было бы ожидаемо **uš*) ‘медведь’, который в удмуртском языке был вытеснен рассматриваемым здесь *gondir*.

⁶ Пользуюсь случаем поблагодарить Ивана Михайловича Стеблина-Каменского за его консультации и помощь в написании этой статьи.

⁷ Не рискну углубляться в эту сложную проблему, не будучи специалистом в индогерманистике, но не могу не привести, как мне кажется, заслуживающей внимания параллели: осет. (ир.) *gwmiry* / (диг.) *gumeri* ‘великан’ ← груз. *gmiri* ← аккад. *Gimirri* ‘киммерийцы’ ~ др.-греч. *Κιμμέριοι* ~ (??) слав. *kumirŭ* ‘кумир’ [ИЭСОЯ I: 530]. Возможность возникновения соответствия иран. *g-* ~ др.-греч. *k-* при заимствовании из какого-то кавказского или переднеазиатского языка (киммерийского – ?) – или при заимствовании из арийского в греческий (если считать киммерийцев ариезычным народом и предполагать, что этот этноним попал в греческий из их языка), таким образом, подтверждается. Что же касается ар. **-dh-* ~ др.-греч. **-t-*, здесь, как уже отмечено выше, могло сказаться переосмысление греч. *Κένταυροι* в связи с *ταῦρος* ‘бык’.

СОКРАЩЕНИЯ

ав. – авестийский, аккад. – аккадский, ар. – арийский (праиндо-иранский), ВВыч. – верхневычегодский диалект коми языка, венг. – венгерский, вепс. – вепсский, ВСыс. – верхнесысольский диалект коми языка, Вым. – вымский диалект коми языка, груз. – грузинский, диг. – дигорский диалект осетинского языка, др.-греч. – древнегреческий, др.-инд. – древнеиндийский, др.-рус. – древнерусский, др.-шв. – древнешведский, Иж. – ижемский диалект коми языка, ир. – иронский диалект осетинского языка, иран. – (пра)иранский, коми-зыр. – коми-зырянский, коми-перм. – коми-пермяцкий, лит. – литовский, Луз. – лузский диалект коми языка, манс. – мансийский, маньчж. – маньчжурский, мар. – марийский, нен. – ненецкий, Нердв. – нердвинский говор коми-пермяцкого языка, осет. – осетинский, перм. – пермский, ПИЕ – праиндоевропейский, ППерм. – прапермский, пехл. – пехлеви, Печ. – печорский диалект коми языка, приб.-ф. – прибалтийско-финский, рус. – русский, рушан. – рушанский, СКон. – среднекондинский диалект мансийского языка, слав. – (пра)славянский, согд. – согдийский, ср.-иран. – среднеиранский, Т. – тавдинский диалект мансийского языка, Уд. – удорский диалект коми языка, удм. – удмуртский, ф. – финский, хуф. – хуфский, шугн. – шугнанский, эвенк. – эвенкийский.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИЭСОЯ I-IV. – АБАЕВ В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1-4. Москва–Ленинград, 1958-1989.

Ав. – Авеста. Цит. по изданиям: [Авеста в переводах] и [Zend-Avesta].

Авеста в переводах – Авеста в русских переводах (1861–1996). Сост., ред., прим. И. В. Рака. Санкт-Петербург, 1997.

АтхВ – Атхарваведа. Цит. по изданию: The Atharvaveda. Sanskrit text with English translation by Devi Chand M. A. Delhi, 1990.

ДМХ – Дадестан-и меног-и храд. Цит. по изданию: Зороастрийские тексты.

Зороастрийские тексты – Зороастрийские тексты. Суждения духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О. М. Чунаковой / Памятники письменности Востока, 64. Москва, 1997.

КОНАКОВ Н. Д. 1987. Древнекоми промысловый календарь (стиль календаря) / АН СССР, Коми филиал. Серия препринтов “Научные доклады”. Вып. 164. Сыктывкар.

КПРСл – Коми-пермяцко-русский словарь. Москва, 1985.

КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь коми языка. 2-е изд. Сыктывкар, 1999.

Лыткин В. И. 1955. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. Москва.

- МИННИЯХМЕТОВА Т. Г. 2003. Традиционные обряды закамских удмуртов: Структура. Семантика. Фольклор / *Dissertationes folkloristicae Universitatis Tartuensis*, 2. Tartu.
- Мифология коми – КОНАКОВ Н. Д. и др. Мифология коми / Энциклопедия уральских мифологий. Том I. Москва – Сыктывкар, 1999.
- НАПОЛЬСКИХ В. В. 1995. Прауральский ‘пуп’ // *Linguistica uralica*, 31:3. Tallinn.
- НАПОЛЬСКИХ В. В. 1997. Происхождение названия ‘медведя’ / ‘дракона’ в пермских языках // *Linguistica Uralica*, 33:1. Tallinn.
- НАПОЛЬСКИХ В. В. 2006. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в сер. I тыс. н. э. // *Славяноведение*, 2. Москва.
- ПЕРВУХИН Н. Г. 1888. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 1. Древняя религия вотяков по ее следам в современных преданиях. Вятка.
- ПЛЕСОВСКИЙ Ф. В. 1992. Дракон в волшебных сказках и в пермском зверином стиле // *Жанр сказки в фольклоре народа коми / Труды Коми Института языка, литературы и истории УрО РАН*, 53. Сыктывкар.
- ПМА – Полевые материалы автора.
- СОРВАЧЕВА В. А. и др. (сост.) 1966. Верхневычегодский диалект коми языка. Сыктывкар.
- СПИЦЫН А. А. 1906. Шаманские изображения / *Записки Отделения русской и славянской археологии Имп. Русского археологического общества*. Том 8, вып. 1. Москва.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Ленинград.
- ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- ССТМЯ I-II – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Сост. В. И. Цинциус и др. Т. 1-2. Ленинград, 1975.
- ШРС – КАРАМШОЕВ Д. Шугнанско-русский словарь в трех томах. Т. 1 (А-З). Москва, 1991.
- ШТАКЕЛЬБЕРГ Р.Р. 1893. Ирано-финскія лексикальнныя отношенія // *Древности Восточныя*. Труды Восточной комиссии Имп. Московского археологического общества, 1:3. Москва.
- ЭСРЯ I-IV – ФАСМЕР М. Этимологический словарь русского языка. Пер. и дополнения О. Н. Трубачева. Т. 1-4. Москва, 1996.
- ЭРВ – Эрзянь-рузонь валкс. Сост. Б. А. Серебrenников и др. Москва, 1993.
- BARTHOLOMAE Ch. 1904. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg.
- BLAŽEK V. 2005. Indo-Iranian elements in Fenno-Ugric mythological lexicon // *Indogermanische Forschungen*, 110. Berlin – New York. 2005.
- FOKOS-FUCHS D. 1959. *Syrtjänisches Wörterbuch*. Budapest. Bd. 1-2. Budapest.
- ЯКОВСОНН Н. 1922. *Arier und Ugrofinnen*. Göttingen.
- ЖОКИ А. J. 1973. Uralier und Indogermanen / *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 151. Helsinki.
- KATZ H. 1988. Finnisch *tosi* < **dmtó*- ? // *Советское финно-угроведение*, 24:2. Таллинн.

- KEWAI I-IV – MAYRHOFER M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. 1-4. Heidelberg, 1956-1980.
- KUUSI M. 1957. Regen bei Sonnenschein. Zur Weltgeschichte einer Redensart / Folklore Fellows' Communications, 171. Helsinki.
- LUBOTSKY A. 2001. The Indo-Iranian substratum // Early contacts between Uralic and Indo-European: linguistic and archaeological considerations / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 242. Helsinki.
- MACDONELL A. A. 1971. The Vedic Mythology. [Repr. ed.] Varanasi – Delhi.
- MORGENSTIERNE G. 1974. Etymological Vocabulary of the Shughni Group. Wiesbaden.
- MUNKÁCSI B. 1901. Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Köt. 1. Magyar szójegyzek. Budapest.
- NAPOLSKIKH V. V. 1993. Uralic fish-names and original home // Ural-altaische Jahrbücher, 12. Wiesbaden.
- RÉDEI K. 1971. Szófejtések/Nyelvtudományi közlemények, 73:2. Budapest.
- RÉDEI K. 1986. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten / Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte, 468. Wien.
- SAARIKIVI J. 2006. Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian substrate in northern Russian dialects. Helsinki.
- STEBLIN-KAMENSKY I. M. 2000. Aryan loanwords in the Komi language // XXXVI International Congress of Asian and North African studies. Book of abstracts. Montreal.
- WASILJEV J. 1902. Übersicht über die heidnischen Gebräuche, Aberglauben und Religion der Wotjaken in den Gouvernements Wjatka und Kasan / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 18. Helsinki.
- WICHMANN Y., UOTILA T. E. 1942. Syrjänischer Wortschatz. Helsinki.
- Zend-Avesta – The Zend-Avesta. Transl. by J. Darmesteter. Parts I-III / The Sacred Books of the East. Ed. by F. M. Müller, 4, 23, 31. [Repr. ed.] Delhi, 1992-1994.

Vladimir NAPOLSKIKH

CENTAUR ~ GANDHARVA ~ DRAGON ~ BEAR:
ON THE EVOLUTION OF A MYTHOLOGICAL FIGURE
IN NORTHERN EURASIA

(Izhevsk, Russia)

SUMMARY

The Aryan (Early-Proto-Aryan, Early Iranian / Aryan, Middle Iranian borrowed from the 3rd mil BC till the end of the 1st mil. AD) loan-words in Finno-Ugrian languages of Eastern Europe and Western Siberia studied since the end of 19th century present very interesting mate-

rials for the Indo-Iranian studies preserving old semantic and phonetic peculiarities, which often have not been kept in Aryan languages.

The article is devoted to the etymology of Permian (this group is represented by two Finno-Ugrian languages: Zyrian (Komi) and Votyak (Udmurt) in Cis-Uralia in the Kama, Vychegda and Pechora basins) word for ‘dragon / bear’: Votyak *gondır* ‘bear’ ~ Zyrian *gundır* etc. ‘dragon, monster’ < Proto-Permian **gund3r* / **gond3r*. This word is to be considered as relatively young (appeared in the Late Proto-Permian hardly earlier, than in the middle or second half of the 1st mil. AD), since there has been kept cluster **-nt-* / **-nd-*, which normally should have been denasalized into **-d-* in the words of Proto-Finno-Ugrian origin. There is no acceptable Finno-Ugrian or proper Permian etymology for this word (some suggestion of this kind are discussed and declined in the article), only there should be taken into consideration the fact, that it could undergo some folk etymological reshaping connected with the understanding of its first part as Proto-Permian **gôn* ‘hair, wool’ (← Iranian).

Proto-Permian **gund3r* / **gond3r* is first of all to be connected with Osset. *kæf-q^wyndar* ‘dragon, monster’ (after V. I. Abaev *kæf-q^wyn-dar* lit. ‘fish-hair-wearing’), or, more precisely with its Middle Iranian predecessor **gundar*. This word could have been borrowed into the Late Proto-Permian in the middle of the 1st mil. AD, when at least one else Middle-Iranian (Alanic) loan-word came into Permian without undergoing the Permian denasalization: Votyak *andan* ~ Zyrian *jemdon* ‘steel’ ← Middle-Iranian, cf. Ossetian *ændon* ‘id.’. The semantic development ‘dragon, monster’ > ‘bear’ in southern (Pre-Votyak) dialects of Proto-Permian looks natural in the light of widely spread word tabooation of the names of such animals as bear or wolf in the Finno-Ugrian languages. This development may be illustrated by some observations on evolution of the images of dragon and bear in the metal plastics of Permian animal style of the 1st mil. AD – they show the presence of a mythical being, a sort of dragon in the culture of the Permian tribes of that time (see the picture).

The further etymology of Proto-Permian **gund3r* / **gond3r* and Ossetian *kæf-q^wyndar* goes down to the well-known name of a class of mythical creatures in the Aryan mythology: Ancient Indian *gandharva-* (? *gandharba-*) ~ Avestan *gandarəwa-*, *gandrəwa-* (= *+gandərəβa-*), Pahlavi *gndlp’* (= *+gandareb*) ~ (?) Sogdian *γntrw-* ~ Shigni *žindūr* / *žindūry* etc. These words were first compared with Ossetian (*kæf-q^wyndar*) by I. M. Steblin-Kamensky – in opposing to V. I. Abaev’s etymology, which looks most likely as a reflection of folk etymological tradition. The Ossetian *kæf-q^wyndar* described as a dragon-like being connected with water (hindering the people to access water) and demanding young girls as homage (the same is probably characteristic for the Shigni *žindūr*) may be compared with water monster *gandareb* in Zoroastrian tradition and with Indian *gandharvas* with their connection with water, weather, their lust for women etc.

The mixed nature of Permian **gund3r* / **gond3r* (‘dragon’ ~ ‘bear’), shaggy appearance of it as well as of the Ossetian *kæf-q^wyndar* and Indian *gandharvas*, their lust for women and other features make the author to come back to the old comparison of these words with the Ancient Greek *Κένταυροι* (< **kentaryo-*). The common Indo-Europeanistic objection to this

comparison may be overcome if one would suppose this word to be not the Proto-Indo-European, but being a result of secondary Aryan-Greek contacts (this kind of contacts between closely related languages soon after the divergence of the proto-language was described in Uralistics by E. A. Helimski, who called them «areal-genetical») and – very probably – a borrowing into both languages from an unknown source language. The correspondence Aryan *g- Greek *k- in case of borrowing from some unknown (Caucasian? Aryan?) language of the same area, where the secondary Aryan-Greek contacts might have taken place can be illustrated by Osset. *gwymiry* / *gumeri* ‘giant’ ← Georgian *gmiri* ‘id.’ ← Akkadian *Gimirri* ‘Cimmerians’ ~ Greek *Κιμμέριοι* ~ (??) Slavic *kumirŭ* ‘idol’. Further on, one should take into account the evident traces of folk etymological reshaping of the word in both, Aryan and Greek.

There may be suggested another, earlier than **gundʒr* / **gondʒr* borrowing of some derivate of the Aryan **gandharu/ba-* into Proto-Permian: Zyrian *gudj̄r* ‘feculence; muddy (of water), cloudy (of weather)’ ~ Votyak *gudj̄ri* ‘thunder’ ~ Cheremis *kū̄dərčö* ‘thunder’ (the last is obviously a borrowing from Votyak) < Proto-Permian **gudʒrʒ* (< ? Pre-Permian **kšntʒrʒ*) ‘cloudy weather, thunderstorm’. Here one must suppose development ‘mythical being connected with weather (clouds, rain, thunder)’ > ‘cloudy weather, thunder’, which might contribute into our understanding of the original features and functions of the Aryan **gandharu/ba-*.

The suggested hypotheses are summarized in the next scheme (dotted lines mark the lines of development, which either are not obligatory or are alternative to each other):

